
КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Предыдущая статья была посвящена попыткам концептуализации любви в западноевропейской культуре рубежа XII–XIII вв. Однако любая концептуализация, как известно, воспринимается незавершенной, если не дополняется выводимыми из нее прикладными аппликациями. И действительно, теоретики Овидианского возрождения предпринимают вполне конкретные усилия в этом направлении: из стремления к концептуализации любви естественным образом вытекают и попытки ее кодификации, создания сводов правил и инструкций – того, что мы назвали бы сегодня своего рода учебниками любви. Чему же они представляли влюбленных? Какие модели поведения предписывали им?

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

НАУКА СТРАСТИ НЕЖНОЙ: ПОПЫТКИ КОДИФИКАЦИИ ЛЮБВИ В ОВИДИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются предпринятые в рамках Овидианского возрождения попытки создания сводов правил, регулирующих и регламентирующих поведение человека в пространстве любовных отношений. Выявляются особенности любовных кодексов рубежа XII–XIII вв.

Ключевые слова: рыцарский этикет; любовный кодекс; суды любви; правила любовной переписки; идея индивида; внутренний мир; женщина как субъект.

Образец цитирования:

Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки кодификации любви в овидианской традиции Средневековья. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;1:78–92.

For citation:

Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to codify love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020;1:78–92. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

THE SCIENCE OF TENDER PASSION: ATTEMPTS TO CODIFY LOVE IN THE OVIDIAN TRADITION OF THE MIDDLE AGES

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is dedicated to the attempts made within the framework of the Ovidian Renaissance to create codes of practice that regulate and adjust human behavior in the space of love relationships. The features of love codes of the turn of the 12th–13th centuries are revealed.

Keywords: knightly etiquette; love code; law courts of love; rules of love correspondence; idea of an individual; inner world; woman as a subject.

Важнейшей характеристикой посвященных любви ученых трактатов рубежа XII–XIII вв. («О любви» Андрея Капеллана и «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья) является то, что они представляют собой результат не только теоретических размышлений, но и вытекающих из них практических советов, касающихся поведения пребывающих в любви или же только ищущих ее. Определяя цель своего труда, Андрей Капеллан ставит эту задачу эксплицитно и весьма конкретно: «...просветить... словами и наставить рукописаниями» [1, с. 383]. Таким образом, вопрос о прикладном значении и эвристическом потенциале в отношении этих работ не возник бы и у самого строгого ревнителя практичности.

Содержание названных трактатов позволяет говорить о том, что речь в них идет не только и даже, возможно, не столько о концептуализации любви как абстрактного феномена, сколько о кодификации поведения в любовной сфере – о разработке кодексов, сводов правил, норм и требований, которыми должно руководствоваться при вступлении на территорию любви.

Это, собственно, неудивительно: мы ведь продолжаем находиться в традиции подражания Овидию, а его «Любовные элегии» исследователи нередко тоже называют дидактическими [2]. Неудивительно это и еще по одной причине: о любви заговорили, она фактически легитимирована мощной и яркой традицией Овидианского возрождения [3]. Соответственно, необходима регуляция поведения человека в этой сфере, причем регуляция, отличная от сложившейся морали средневековой аскезы: уже нельзя просто сказать, что нельзя, – уже явно можно, но как именно?

В силу этого жанровая принадлежность названных трактатов лучше всего может быть определена как руководство – попытка предложить своды пра-

вил поведения в любовных отношениях (кодификация) на базе некоторого теоретизирования о том, что есть любовь (концептуализация). И если для нас равно интересны и кодификация, и концептуализация (для удовлетворения академического интереса, т. е. адекватного понимания трактовки любви в рассматриваемый период), то для живущих на этом временном отрезке важнее, безусловно, первая (для удовлетворения гораздо более глубоких и интимных интересов, т. е., собственно, для выбора адекватного образа жизни).

Внимание Овидианского возрождения к любви венчается своего рода рациональным итогом – систематическими трактатами прикладной направленности. П. Зюмтор говорит о дидактической тенденции в истолковании любви Овидианским возрождением [4, с. 489–498]; М. Л. Гаспаров называет текст Андрея Капеллана учебником [5, с. 571]. Он действительно адресован некому Вальтеру – юному адепту любовного чувства, который «назвался... новобранцем любви, свежую ее стрелой раненным в сердце, не умеющим еще уздой направлять коня ее и не знающим найти исцеления» [1, с. 383]. Потому трактат содержит советы, наставления и предостережения, полностью соответствуя исторически сложившейся (начиная от «Никомаховой этики» Аристотеля) жанровой традиции¹.

И, что и требуется от учебника, автор включает в свой текст и теоретические основоположения, и своего рода практикум: так, Андрей Капеллан полагает, что «надлежит рассмотреть, что есть любовь, и откуда ее название, и каково ее действие, и меж кем может быть любовь, и как достигается любовь, удерживается, умножается, умалется, кончается, и о знаках ответной любви, и что делать одному из любовников², когда другой нарушил верность» [1, с. 383]. Следует признать, что расширить проблемное поле было бы затруднительно...

¹Нельзя не умилиться трогательной саморекламе Андрея Капеллана, осуществляющего своего рода *promotion* предлагаемого читателю трактата: непосредственно в тексте содержится пассаж о том, что для преуспевания в любовных делах необходимо знание об «истинной любви», каковое и «представлено в Капеллановом учении» [1, с. 392].

²Напомним широкую трактовку этого понятия в культуре Овидианского возрождения: *любовник/любовница* в культуре XII в. означает не субъекта адюльтера, но влюбленного как такового, в том числе и лишенного взаимности.

При очевидном прикладном предназначении трактаты Андрея Капеллана и Бонкомпаньо да Синья, как мы помним, содержат и глубокие рассуждения о любви как таковой, предпосланные рассмотрению вопросов практического свойства. Именно из этих теоретических постулатов и выводятся прикладные следствия, составляющие основу правил и регламентаций.

Так, например, важным моментом рассматриваемых любовных руководств является мысль о том, что любовь (даже взаимная и счастливая) предполагает не только радости, но и страдания. И Андрей Капеллан, и Бонкомпаньо да Синья связывают любовь с мучительным страхом: «...совершенная любовь рождает повсечасный страх» [6, с. 402]. Страх этот фактически всеобъемлющ: по оценке Андрея Капеллана, влюбленный страшится и своего возможного несоответствия ожиданиям избранницы, и могущей помешать его успеху бедности, и злых сплетен, и противодействия врагов, и зависти в случае взаимности и т. д. [1, с. 384]. В целом любовь хрупка, и даже взаимные отношения открыты всем ветрам и «пред малейшим замешательством устоять бессильны» [1, с. 384].

Из этих теоретических сентенций выводится прикладное правило: относиться к любви следует трепетно и держать ее должно в строжайшей тайне. Независимо от обстоятельств – свободны ли любящие, или же их любовь омрачается препятствиями (в виде замужества, например, о котором мы еще поговорим), – «любовь между любовниками уповательно блюдется в тайне» [1, с. 395]. Для этого есть не один резон. Прежде всего, согласно тексту Андрея Капеллана, «любовь разглашенная редко долговечна» [1, с. 400], что разъясняется достаточно подробно: «Такая любовь редко долговечна, ибо если она меж такими солюбовниками и удержится, то прежние утехы ей уже недоступны, ибо донесшаяся молва подозрительнейшим делает надзор за девицею, отнимает всякий случай к собеседованию, беспокойнее и бдительней становятся родственники, а оттого и все вокруг встает враждою на любовь. Меж такими солюбовниками любовь, не находя своих утех, прибывает до безмерности и заставляет любящих оплакивать великие свои страдания» [1, с. 386]. Но это даже не главное – важнее то, что «разглашенная любовь не украшает любовника, а лишь пятнает его честь дурной молвою и заставляет устыжаться за солюбовника» [1, с. 386].

Общее правило соблюдения тайны детально конкретизируется, распадаясь на четкие требования секретности применительно к различным аспектам любовных отношений. Так, подаренный перстень следует носить неидентифицируемым, т. е. «с камнем, обращенным внутрь» [1, с. 395]; в любовных письмах нельзя использовать прямые обращения («...ежели любовники пересылаются письмами, своих имен в них означать они не должны» [1, с. 395]); не нужно запечатывать письма фамильными печатями («...и печать свою не должны они прилагать к письмам, между ними пересылаемым, разве что если есть у них тайные печати» [1, с. 395]) и т. д. И главное: тайну следует соблюдать из принципа, не просто из соображений безопасности, потому как лишь безукоризненное соблюдение тайны гарантирует любящим успех и, более того, обеспечивает подлинность и истинность самой их любви. По формулировке Андрея Капеллана, «только так будет их любовь вовеки безущербною» [1, с. 395].

Интересно и отношение к разглашению любовной тайны *судами любви* – собраниями благородных дам, обсуждающими сложные случаи любовных отношений и выносящими свои вердикты относительно того, правильно ли поступил тот или иной влюбленный в неоднозначной ситуации³. Разглашение тайны любви оценивалось этими судействами вполне однозначно, например: «Некоторый рыцарь разгласил постыдным образом сокровенные тайны своей любви. На сей поступок все, ратующие в стане любви, стали взывать о суровейшем возмездии, да не станет безнаказанность столь великого вероломства примером для других. <...> ...Суд высоких дам единым гласом определил во веки веков быть тому рыцарю отказану в надеждах на любовь и быть ему от всякого схода рыцарей и дам в поношении и поругании. Ежели какая женщина посмеет преступить сей приговор высоких дам, ущедривши его своей любовью, то да будет и на ней вовеки та же вина и да будет она оттоле ненавистна всем достойным женщинам» [1, с. 394]. Как видим, прямо-таки тотальное поругание «во веки веков» и «вовсеки», никак не меньше. Даже в самих судах любви, согласно трактату Андрея Капеллана, «имена любовников должны быть скрыты от судящих, чтобы суд вершился над отвлеченным положением» [1, с. 395].

В обрисованном контексте нельзя не отметить один любопытный момент. Про тайные печати на

³Правда, мы знаем о существовании таких судов только из одного-единственного текста – именно из анализируемого трактата Андрея Капеллана «О любви». Их существование не подтверждается никакими иными историческими документами, но логика в возникновении этих судов была: правила любви, регулирующие поведение влюбленных, лишь формировались; должное и сущее в этой сфере только начинают осмысливаться и дистанцироваться (неслучайно размышления о сущности любви и практические руководства для влюбленных пока еще сливаются в едином тексте; кодексы моральных норм существуют лишь на уровне первых моделей, – вполне резонно, что Андрей Капеллан видит подобные суды как реализующие фактически пока только то, что сегодня мы назвали бы прецедентным правом).

письмах Андрей Капеллан говорит, что они должны быть ведомы только «солюбовникам» и «их наперсникам» [1, с. 395]. Как видим, соблюдение тайны не означает сохранение ее меж двумя влюбленными: наперсник – необходимый фигурант любовной интриги, и вовлеченность его в секреты не считается нарушением тайны любовной связи. Он обозначается Андреем Капелланом как «доверенный служением посланника» [1, с. 394]. Нечто подобное уже было: вспомним о роли стража в альбах. Что ж, это Средневековье: ни соцсети, ни мессенджеры не обеспечивают бесперебойной коммуникации между любящими, – должен же кто-то передавать любовные записочки и сообщать о времени и локации свидания! Так что наперсник – фигура скорее функциональная: не столько психологически артикулированный субъект, сколько необходимый посредник – своего рода *Skype* или *Viber*. Впрочем, и *Google* тоже: может лайфхак какой-нибудь присоветовать для успешной организации адюльтера...

Описываемые Андреем Капелланом решения судов любви это ярко демонстрируют, свидетельствуя о наличии четкого и строго соблюдаемого распределения ролей в любовной ситуации. Так, он описывает случай, когда «наперсник... попрали товарищескую верность, принял на себя звание любовника и стал пещись сам о себе, а... дама недостойным образом отвечала его коварству сочувствованием» [1, с. 394]. Приговор суда любви в таком случае предельно жесткий: «Оный коварный любовник, обретший себе даму, коварства его достойную и не погнушавшуюся столь дурного деяния, да услаждается злополучною их любовью, и она да услаждается по достоинству таким другом. Впредь однако же да будут они отлучены от чьей бы то ни было любви, и да не будет вхож ни тот, ни та в рыцарский сход или в дамский свет, ибо он попрали верность, свойственную рыцарскому словию, а она попрали женский стыд, позорно преклонясь к любви наперсника» [1, с. 394]. Чем может сильнее наказать любое сообщество согрешившего своего члена, как не отторжением от себя? Ни много ни мало – исключение из партии!

Важнейшим правилом любовной сферы является также игнорирование супружеской верности. Собственно, сам тот факт, что кто-то из любящих состоит в браке (или даже оба сразу), не играет никакой роли для развития их отношений. Разве что секретность соблюсти несколько сложнее (однако не важнее, ибо важность тайны не только задана регламентом, но и диктуется строгостью родительского контроля над девицею). Андрей Капеллан формулирует базовый тезис так: «Супружество не есть причина к отказу в любви» [1, с. 400].

Исходя из этого принципа, описывается и соответствующая ситуация, рассматриваемая судом

любви: «Некоторая дама, узами достойнейшей любви связанная, вступив впоследствии в почтенное супружество, стала уклоняться от солюбовника и отказывать ему в обычных утехах. На сие недостойное поведение госпожа Эрменгарда Нарбоннская так возражает: “Не справедливо, будто последующее супружество исключает прежде бывшую любовь, разве что если женщина вовсе от любви отрекается и впредь совсем не намерена любить”» [1, с. 391]. Вот как все ладно да складно: и любовная связь «достойнейшая», и супружество при этом «почтенное» – живи да радуйся!

Такая парадоксальность аксиологии объясняется тем, что рубеж XII–XIII вв. – это время, на которое приходится то, что можно назвать третьей волной формирования рыцарского самосознания, и любовь в этом контексте рассматривается как пространство формирования рыцарской сословной морали (*вежества*), и в этом контексте сословная принадлежность оказывается важнее всего, в том числе и матримониального статуса (см. подробнее [7]). Как отмечает М. Л. Гаспаров, «любовь, прославляемая Андреем, – только внебрачная, лишь она служит сословным выражением куртуазного “вежества”, тогда как любовь супружеская или любовь чувственная для Андрея и его читателей безразличны, ибо и та, и другая внесословны и надсословны» [5, с. 572].

В трактат Андрея Капеллана входит сюжет о рыцаре, привязанном «любовью к даме, которая была любовью связана с другим», получившем от нее тем не менее «такую надежду на любовь: если ей случится потерять любовь того любовника, то, бесспорно, ущедрит она любовью своей названного рыцаря» [1, с. 394]. И когда «по малом времени сделалась та дама женой своего любовника», наш рыцарь «на сие стал требовать себе плода от обещанных щедрот» [1, с. 394]. Таким образом, заключение брака однозначно расценивается рыцарем (читай – Андреем Капелланом) как утрата любви, ведь именно из факта замужества дамы счел он возможным заключить, что ей случилось-таки *потерять любовь*.

В свете этого супружество не имеет к любви никакого отношения: оно и внутри себя ее не предполагает, и развитию ее вне брачных уз не препятствует. Любовь не противопоставляется браку, но трактуется как никак не связанная с ним: брак мыслится как нечто совершенно безразличное, не могущее влиять на сферу любовных отношений, а потому и учитывать его нет никакой нужды.

Любое поползновение влюбленных принять в расчет факт супружества, в котором он или она состоят, в судах любви понимания не находит. Так, например, если дама выходит замуж за одного из двух своих рыцарей и начинает отказывать во взаимности другому, то суд любви, куда обращается

обделенный, постановляет, «чтобы означенная дама предоставила рыцарю обещанную ему любовь» [1, с. 394].

В силу сказанного такой феномен, как *любовь-брак*, столь значимый для традиции северофранцузского рыцарского романа (см. подробнее [8]), вообще не фигурирует в контексте Овидианского возрождения. По формулировке Андрея Капеллана, в целом «не имеет любовь силы между состоящими в супружестве» [1, с. 394]. Соответственно, расцвести она может только вне рамок брачных отношений. А случиться это должно непременно, ибо именно на любовном поле вызревают рыцарские добродетели (см. подробнее [7]).

Наряду с этими основополагающими регулятивами поведения в любовной сфере Андрей Капеллан формулирует и множество иных, более конкретно-ситуативных норм – от содержательно-этических до формально-этикетных. Он вводит в свой трактат сюжет о британском рыцаре, добывшем для своей дамы свод правил любви не то у мифического Царя Любви, не то у столь же мифологизированного короля Артура [1, с. 396–400]. Вручение рыцарю этого текста сопровождается наставлением: «Сие есть грамота, в коей писаны правила любви, которые сам Царь Любви из собственных уст прорек любовникам; и тебе надлежит увезть ее с собою, дабы правила те пред всеми любовниками обнародовать» [1, с. 400].

Означенные правила трактуются как универсальные и подлежащие неукоснительному исполнению: дама, за чью любовь принял рыцарь «столь великие испытания», не оставила их втуне, но, «создав многолюдное собрание дам и рыцарей, огласила им она означенные правила любви, наказав блюсти их нерушимо по завету Царя Любви; а собрание во всей всецелости, внявши им, дало обет блюсти их во веки веков, да не сбудется над присягнувшими любовная казнь. И всякий, кто был зван к тому собранию, означенные правила запечатлел в писаниях своих и унес, чтобы во всех концах земного круга обнародовать их на благо всем любовникам» [1, с. 401].

С точки зрения статуса формулируемые Андреем Капелланом нормы представляют собой и регулятивы отношения к любви («Мужской пол к любви не вхож до полной зрелости» [1, с. 400]), и конкретные регламентации поведения. Последние могут как воплощать нравственный ригоризм («Истинный любовник во благо только то вменяет, что мнит быть по сердцу солюбовнику» [1, с. 401]), так и вызывать некоторые сомнения морального характера даже у современного гедониста («Одну женщину любить двоим, а двум женщинам одного отнюдь ничто не препятствует» [1, с. 401]).

При этом нельзя забывать, что верное понимание содержания сформулированных Андреем Капелланом правил возможно лишь при учете их контекстной адресации. Так, например, при истолковании регулятивного принципа «кто не ревнует, тот не любит» [1, с. 444] не следует забывать, что речь идет никак не о мужьях-рогоносцах (этот персонаж вообще выпадает из фокуса рассмотрения⁴), а об отношениях между самими влюбленными (в паре или возможном треугольнике).

Но и при соблюдении самого тщательного контекстно-сословного подхода к толкованию правил поведения влюбленного их содержание не всегда можно интерпретировать с исчерпывающей уверенностью. В этом плане отдельного комментария (и особого прочтения) заслуживает максима, задающая радикально новый (и весьма радикальный!) ракурс трактовки любви: «Любовь любви ни в чем не отказывает» [1, с. 401]. С одной стороны, нельзя не оценить силы тезиса: все-таки не забываем, что это формулируется в аскетичном Средневековье. Однако что, собственно, имеется в виду под выражением «ни в чем»? Каков масштаб возможных притязаний? Где граница и есть ли она вообще? И не сыграет ли раскованное воображение злую шутку с продвинутым читателем XXI в.? Или, что весьма возможно, воображение XII в. ни в чем не уступало нашему? Или его разворачивание вообще лежало в какой-то неочевидной для нас плоскости? А с другой стороны, дамы ведь постоянно отказывают кавалерам во взаимности, требуют подвигов, придумывают испытания... Как совместить это с правилом невозможности отказа?

Нельзя не обратить внимания также и на то обстоятельство, что наряду с правилами и предписаниями в трактате Андрея Капеллана к нормативным требованиям относятся и сугубо феноменологические описания поведения влюбленного – фактически данные наблюдений (или плоды горького авторского опыта), например: «Легким достижением обесценена бывает любовь, трудным – входит в цену» [1, с. 400]; «Новая любовь старую гонит» [1, с. 400]; «Если слабеет любовь, то быстро она гибнет и редко возрождается» [1, с. 400].

Подчас нормативным представляется у Андрея Капеллана и то, что, в общем-то, неподконтрольно, а потому не может быть вменено в обязанность влюбленному субъекту: «Всякое деяние любовника устремлено к мысли о солюбовнике» [1, с. 401]; «Истинные любовники воображением никогда друг друга не покидают» [1, с. 401]; «Любовник от солюбовника никакими утехами не насыщается» [1, с. 401]; «При внезапном явлении солюбовника сердце любовниково трепещет» [1, с. 400]. Вот если не трепещет, что делать? Подсудно ли это суду любви?

⁴Обратим внимание на этот момент в понимании ревности: в дальнейшем он получит в средневековой традиции интересное развитие.

В разряд правил попадают и чисто теоретические абстрактные суждения: «Любить может лишь тот, кем движет любовное влечение» [1, с. 400]; «Кто любит, того робость губит» [1, с. 400]. В этом ряду обращает на себя внимание следующий тезис: «Кого безмерное томит сладострастие, тот не умеет любить» [1, с. 401]. Этому положению Андрей Капеллан предписывает статус нормативного требования, фактически формулируя правило: *Слишком сладострастным быть не след.*

Это любопытно: как отметил в свое время Э. Жильсон, идеалы любви, прокламируемые в рамках Овидианского возрождения, были «более рафинированы, чем гривуазные идеи Овидия»⁵ [9, р. 214].

Иногда предлагаемые Андреем Капелланом нормы вообще выглядят неожиданно в контексте рассматриваемого периода. Например, на одном из судов любви «королеве был предъявлен вопрос, чья любовь предпочтительнее, молодого человека или пожилого. На сие дала она ответ удивительный по тонкости. Сказала она так: “По естественному... побуждению мужчины младших лет более склонны соединяться в страсти с женщинами старших лет, чем с молодыми сверстницами, а мужчины зрелых лет предпочитают принимать объятия и лобзания от младших женщин, чем от зрелых возрастом. Женщина же, напротив, будь она в молодых летах или зрелых, более ищет объятий и утех во младших мужчинах, нежели в пожилых. По сей причине рассмотрение предложенного вопроса есть забота скорее *естественноиспытательская*» (выделено мною. – М. М.) [1, с. 395]. Любопытная позиция в рамках средневековой схоластики⁶...

Но в большинстве своем сформулированные Андреем Капелланом регламентации предельно конкретны, например: «О скончавшемся любовнике пережившему любовнику памятовать двумя годами вдовства» [1, с. 400], – именно два года, ни меньше ни больше.

Многочисленные поведенческие правила представляют собой четко оговоренные предписания, которые касаются конкретных сфер жизни влюбленных – вплоть до сугубо бытовых и материально-финансовых.

Так, согласно трактату «О любви», «похвалы достойна женщина богатая, если, не взирая на богатство, ищет она солюбовника бедного, которому может и помочь от средств своих, ибо в любовниках обоого пола представляется всего похвальнее помогать солюбовнику в нужде от всей полноты своей. Однако же если женщина отягчена мраком бедности, то она вольней избирать любовь богатого, ибо если оба солюбовника захлестнуты волною

скудости, то любовь их, бесспорно, пребудет не долговечною. Ибо всем честным людям бедность представляется постыдною, навевает им тревожные помыслы, гнетет их даже в сонном забытии, а этим обыкновенно и любовь понуждается к бегству» [1, с. 390].

Андрей Капеллан подробно оговаривает, «какие предметы прилично принимать солюбовнице от солюбовника»: «...платок, перевязь для волос, золотой или серебряный венец, заколку на грудь, зеркало, пояс, кошелек, кисть для пояса, гребень, нарукавники, перчатки, кольцо, ларец, образок, рукомойню, сосудцы, поднос, памятный значок... совокупно говоря, всякое невеликое подношение, уместное для ухода за собой, для наружной благовидности, или как напоминание о солюбовнике... лишь бы не могли за то заподозрить ее в корыстолюбии» [1, с. 395]. В целом «всегда любовь далека обителей корысти» [1, с. 400].

Довольно парадоксальным выглядит в этом контексте следующее рассуждение, не чуждое меркантильности: «Рыцарь принес... жалобу, что, приняв любовные дары... дама подала ему надежду на любовь, а затем беспричинно снова в ней отказывает» [1, с. 395]. И решение суда любви было в этом случае вынесено в парадигме справедливости не столько любовной, сколько имущественной: «Пусть та женщина или отвергнет подарки, поднесенные с любовным усмотрением, или отдарит их любовным снисхождением, или же претерпит, что причтут ее к продажным женщинам» [1, с. 395]. Как видим, постулируется требование равноценного и равного обмена (боюсь, что немножко натурального, но, слава богу, не открыто товарно-денежного, хотя со стороны кавалера дары и подносились не бескорыстно, но с дальним прицелом – *с любовным усмотрением*).

И, что самое важное, по прочтении компендиума правил любви, предложенных Андреем Капелланом, нельзя не задаться чисто практическим вопросом: что для него значит *любить* – *состоять* в любви или *искать* таковой и жаждать? Создается впечатление, что различие это, столь принципиальное для иных традиций, для Андрея Капеллана вообще несущественно: рыцарь уже ступил на эту стезю выработки сословного благородства (см. подробнее [7]), а коль начал игру, то ты уже игрок (т. е. любовник), неважно, успешный с точки зрения взаимности или нет. Именно кавалер (соискатель любви⁷) и находится в фокусе внимания Андрея Капеллана (как, впрочем, и Бонкомпаньо да Синья): интересен не столько результат, сколько процесс. Вот уж воистину: главное не победа, главное – участие!

⁵Здесь и далее перевод мой. – М. М.

⁶Уместно вспомнить в этом контексте и анатомически конкретную деталь одного из писем, приводимых Бонкомпаньо да Синья: «Пламя любви объяло *предсердие* мое» (выделено мною. – М. М.) [6, с. 402]. Культура предчувствует возникновение неоевропейской науки?

⁷Мы попытаемся на протяжении этой статьи уточнить суть данного соискательства.

Таким образом, по своему статусу правила очень различны, более того, это даже не всегда правила: подчас и не поймешь, как трактовать высказываемые Андреем Капелланом требования, предъявляемые к влюбленному. Например, «истинный любовник ничьих не возжелает объятий, кроме солюбвных ему» [1, с. 400]. То есть *не должен желать* (нельзя восхотеть, само желание запретно) или в принципе *не может* желать (другие просто не любви ему, объективно находятся вне его вожделений)?

Как уразуметь ригористический тезис о том, что «без довольных оснований никто любви лишен быть не должен» [1, с. 400]? Каким же это образом может быть реализовано? Как совместить данный принцип с требованием благородства и даже сословной принадлежности – простолюдины же, как мы помним, вообще вне игры (см. подробнее [7])? Кроме того, это с очевидностью противоречит идее возрастного ценза (говорилось же Андреем Капелланом о необходимой зрелости мужского пола).

Да, многое еще не отстроено, не продумано в полном объеме...

Что ж, мы имеем дело со становлением теории... Концептуализация представлений о любви идет и через описания ее атрибутивных признаков (критериев ее наличия), и через кодификацию поведения влюбленного, т. е. фактически через описание сущего и должного, которые еще не дифференцируются с достаточной определенностью: линия демаркации именно здесь и намечается, прямо на наших глазах.

Подвидом поведения влюбленного (как мы помним, соискателя взаимности) является эпистолярное поведение, поскольку любовные письма – важный инструмент успешного соискательства. Потому «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья также носит прикладной характер, но сфера его применения четко очерчена и специфична: это письмовник, т. е. тот же учебник, только более узкой направленности, – он содержит практические советы по написанию любовных писем и предлагает образцы оных, своего рода брешьеры для всех вариантов любовных коллизий.

И, надо сказать, это было более чем востребовано.

В средневековых университетах преподают риторику, и, по оценке К. Скиннера, основная цель риторического обучения состояла в том, чтобы «снабдить студента весьма ценным умением: способностью составлять официальные письма и другие документы максимально ясно и убедительно»

[10, с. 60–61]. Университетский курс предполагал овладение искусством написания писем именно в рамках того, что сегодня мы назвали бы стилем административных процедур. Как отмечает К. Скиннер, «написание писем, будучи специальной техникой, которая укладывалась в правила и заучивалась наизусть, предполагала концепцию, впервые разработанную в Болонье в начале XII в. и представлявшую ответвление от основной программы университета, нацеленной на подготовку юристов и судей» [10, с. 61].

К рубежу XII–XIII вв. болонская школа становится крупнейшим центром этой традиции. В рамках средневековой риторики складывается так называемый *ars dictaminis* (*ars dictandi*) – канон написания писем. Он последовательно развивается, появляются известные теоретики: Альберик де Монте-Кассино (XI в.), Адальберт из Самарии (XII в.), Лоренцо ди Аквилея (XIII в.). Оформляется требование к четкости структуры текста письма, предполагающей следующие компоненты: адресация, приветствие, экспозиция (повествование, или уведомление), диспозиция (изложение сути дела или просьбы) и прощание (благословение) [11]⁸. Первым учебником, который возвел в канон эту композицию письма, предложенную Адальбертом из Самарии, был анонимный трактат «Принципы написания писем», созданный в Болонье около 1135 г. [12, р. 181].

В перспективе в европейских университетах станут преподавать и непосредственно эпистографию, и к XV в. письма на национальных языках будут превалировать над посланиями на латыни, но требования к композиции все равно останутся жесткими [13]. Эпистолярная культура начала XIII в. опирается именно на канон *ars dictandi* (см. [14]).

Пока же ситуация для адресантов непростая: требования к эпистолярному жанру уже есть (и умение правильно писать письма для благородного человека просто необходимо), однако не у всех (мягко говоря) за плечами университеты.

В силу этого параллельно концептуальным университетским трактатам возникают и прикладные пособия для массового потребителя: именно к XII в. относятся и уже встречавшийся нам «Письмовник» Матвея Вандомского, и сборники эпистолярных образцов Уго из Болоньи и Генрика Франкигены, и другие подборки типовых писем (формул). В их ряду и «Колесо Венерино» Бонкомпаньо да Синья – письмовник, который можно назвать профильным, поскольку если иные авторы предлагают образчи-

⁸Как не поделиться? «Википедия» приводит прелестную модель письма, написанного согласно этому гештальту: адресация («Достойный мастер»), приветствие («Я приветствую Вас»), уведомление («Пусть Вам будет приятно знать, что...»), экспозиция («...шерсть была отправлена...»), диспозиция («...а я хочу свои деньги») и предельно конкретное благословение на прощание («Да хранит вас Господь, по крайней мере, до тех пор, пока мой счет не будет оплачен») (см.: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ars_dictaminis).

ки писем на все случаи жизни, то Бонкомпаньо да Синья обращается к эпистолярному жанру сугубо в любовном контексте, зато с формулировкой общих правил, подробными разъяснениями, яркими примерами, а главное – с теоретическим обоснованием.

Надо заметить, что вопросы любви и любовной переписки – предмет, в общем-то, мимолежного интереса Бонкомпаньо да Синья, отличавшегося удивительной многогранностью и широтой воззрений: он не только преподавал риторику и грамматику в Болонском университете, но и являлся чрезвычайно многопрофильным и при этом весьма плодовитым автором. Его перу принадлежат знаменитые среди коллег-современников трактаты «Древняя риторика»⁹ (за него Болонский университет увенчал Бонкомпаньо да Синья лавровым венком [5, с. 573]) и «Новейшая риторика», а также многочисленные трактаты по различным областям учености того времени, причем все они строго соответствуют риторическим канонам. Так, трактат по истории «Осада Анконы» (около 1201–1202 гг.), хотя автор в предисловии и представляется как обычный городской хронист, выполнен, по оценке экспертов, в полном соответствии с *ars dictaminis* [10, с. 65–66]. Аналогичен трактат о дружбе «Amicitia» (1205), представляющий собой типологию друзей, системную и претендующую на полноту (причем ожидаемо завершающуюся сетованием на то, что настоящего друга найти практически невозможно). Нельзя не упомянуть и о том, что Бонкомпаньо да Синья разработал принципиально новую (двузначную), хотя и непризнанную систему пунктуации: паузы он предложил обозначать слешем, а конец предложения – тире (см. [15]). Можно сказать, что Бонкомпаньо да Синья – едва ли не энциклопедист, в столь многих сферах тогдашней теории он стяжал себе громкую славу. И это лишь рубеж XII–XIII вв., еще далеко не Ренессанс!

Применительно к эпистолярным текстам любовного характера Бонкомпаньо да Синья предлагает применять уже известную нам композицию: структура письма должна, по его мнению, включать приветствие, уведомление (экспозицию), просьбу (диспозицию) и прощание (благословение). Разумеется, приветствие оформляется как комплимент, уведомление (экспозиция) – как сообщение о своих чувствах, диспозиция – как мольба о взаимности и т. д.

В дальнейшем, однако, соблюдения общих правил эпистолярного жанра мало: это же не деловая переписка. Потому Бонкомпаньо да Синья ставит своей целью следующее: «Перечисливши вкратце способы приветствия, каковыми между любящими обращение возможно, рассудил я положить и общие примеры повествовательной части, как то делают диктующие, приготавливаясь к нахождению в красноречии» [6, с. 402].

Специфика любовной переписки сразу же определяет для Бонкомпаньо да Синья дифференциацию посланий по весьма специфическому и важнейшему для избранного смыслового пространства критерию: «...предложу я любящим два способа письменного повествования: первый – до свершения, второй – после свершения» [6, с. 402].

Как, однако, скромно, как все *по умолчанию*, но именно этот предмет умолчания неизменно находится в центре внимания автора, потому что его наставления читателю, которые он наивно (или же тактично) относит к любви, на самом деле – изощренные советы в сфере эпистолярного пикапа. Цель Бонкомпаньо да Синья – научить влюбленного, как следует ему «повести свое повествование, домогаясь той, которую желает иметь» [6, с. 402]. Вот тут уж вещи (именно что вещи) называются своими именами: речь идет о технологии, здесь важна точность, и фигура умолчания может лишь сбить с толку и отдалить от искомого результата.

Итак, эпистолярный пикап XIII в.: что же советует Бонкомпаньо да Синья своим читателям? Инструкции предельно точны и подробны – практически пошаговые.

Шаг первый – засыпать комплиментами. Бонкомпаньо да Синья формулирует общую максиму («Кто желает стяжать любовь какой-либо женщины, тому надлежит предпосылать себе искательную лесть» [6, с. 403]) и приводит конкретные образчики таковой лести. Они цветисты и многословны, например: «Когда в блистательном девическом хороводе узрели Вас намердны мои телесные очи, то пламя любви объяло... и сделался я другим человеком. <...> ...Сияли Вы между ближними, как денница рассветная... Когда же стал я обозревать ту славу, какую Вас природа наделила, то дух мой изнемог от восхищения. Кудри Ваши, подобно золоту витому, над ушами прекраснейшего цвета дивно повисали. <...> Грудь над станом возвышалась, как райский ветроград, в нем же два плода, словно купы

⁹К. Скиннер приводит исходные названия упомянутых трактатов: «Старая риторика» (включала раздел типовых писем, составленных для «благородных, горожан и простого народа» [10, с. 62]) и «Новейшая риторика для всего» (предлагала обучающимся «ошеломительное множество образцов, организованных по разделам согласно правилам, которыми следовало руководствоваться при составлении разного рода формальных писем») соответственно. Эти трактаты Бонкомпаньо да Синья действительно стали значительным феноменом в развитии эпистолярного жанра в европейской культуре. Однако К. Скиннер, отдавая дань их автору, который, по его оценке, внес «наиболее заметный вклад в этот жанр», отмечает, что Бонкомпаньо да Синья был одновременно и «самым оригинальным и, несомненно, самым хвастливым из болонских учителей риторики» [10, с. 62].

роз, сладчайший аромат распространяющие...» [6, с. 402–403]. В общем, следует полный компендиум членов, в которые герой Бонкомпаньо да Синья *вперялся очами* – вплоть до суставов и ногтей, кои, «словно кристалл блистающий, довершением были красоты Вашего облика» [6, с. 403]. И до чего же экспертно – даже до искушенности в оценке *цвета ушей*...

Бонкомпаньо да Синья полагает не лишним подкреплять лесть посулами, особенно любопытно здесь уточнение: подписываться на подвиги и жертвы можно, «суля даже то, что исполнено быть не может» [6, с. 402]. Вот так: честно – не честно, главное – результативно! Что ж поделаться, пикап есть пикап.

Формулировке второго шага Бонкомпаньо да Синья предпосылает своего рода психологическое обоснование: «...далее же следует знать, что всякая женщина всякого положения и состояния прежде отказывает и в том, чего сама свыше всего желает; посему, если она каковым-либо образом посланному отпишет, разумею в этом, что она уже уступить хочет, хотя бы на словах и отрицалась» [6, с. 403]. Явный квантор всеобщности – *всякая женщина*, причем *всякого положения и состояния*, – поневоле задаешься вопросом: какова была эмпирическая выборка для такой генерализации?!

В силу сказанного на первое письмо дама, скорее всего, ответит отказом. Типовой вариант такого отказа выглядит, по мнению Бонкомпаньо да Синья, следующим образом: «В грамотке твоей перо потрудил ты вотще, полагая лстивыми словесами и хвалениями пригожести моей снискать мое благоволение. Но чаяние твое праздно, и сеешь ты на песке. Служением твоим я гнушаюсь и желаю, дабы впредь ты мне подобное не писывал» [6, с. 403].

Бонкомпаньо да Синья указывает даже причины такого отказа, идущего вразрез с устремлениями женского сердца: «А почему женщина отказывает в том, чего любовник домогается, на это есть пять причин: первая – в некотором тайном естестве, по коему всем естественно на первое искание отвечать отказом; вторая – чтобы за скорое снисхождение к твоему желанию не почел ты ее всякому доступною; третья – чтобы ищущему показалось слаще то, в чем столь долго было отказываемо; четвертая – ибо ожидает она к себе некоторых щедрот, прежде чем смиростивится над ищущим; пятая – ибо многие опасаются понести во чреве» [6, с. 403].

Посему второй шаг влюбленного по завоеванию женского сердца – не поверить этому первичному отказу: «И пусть гласят слова Ваши, что перо я потрудил вотще, – верю все же, что удостоили Вы меня взглядом» [6, с. 403]. Что ж, тут есть резон, надо признать: подлинный отказ ответа не требует,

порвать письмо да в камин бросить... Ан нет, ответ поступил. А коль поступил, то следует психологически оправданный вывод: «Из такового послания любовник может уразуметь, что она желание его беспрерывно исполнит» [6, с. 403].

И даже если вновь придет ответ с отказом («Докучанию твоему не могу я не дивиться, ибо доподлинно было тебе отказано, чтобы не смел ты ко мне посылать письма или что иное¹⁰, ныне же ты пытаешься, словно полагая меня переменчивою...» [6, с. 403]), – что ж, это значит лишь то, что следует еще раз повторить лесть и клятвы, пропедалировав и качественно усилив их: «Если бы царствия был я удостоен и царственною диадемою увенчан, то и тогда не такова была бы радость сердца моего, каковую от получения послания Вашего я восчувствовал» [6, с. 404]. Тонко: фактически дать понять, что кавалер принимает игру, осознает подоплеку: сам факт переписки уже есть начало готовности дамы к отношениям, он же уже «восчувствовал», т. е. уже получил первое подтверждение грядущего согласия.

Шаг третий: далее следует клясться, пытаться подтвердить силу своего чувства и глубину любовных страданий. Вот и образчик: «Я же есмь трава, которая, подкошенная, скоро вянет, и ежели не восхочешь увлажнить меня росой милости твоей, то и меньше стану, чем трава увядающая» [6, с. 404]. Клятвы подкрепляются и прямой угрозой своей гибели: «...а если не угодна Вам жизнь моя, то повелите умереть...» [6, с. 403]. Это ни к чему не обязывает: мы же помним, что эпистолярные посулы исполнения не предполагают, а потому могут быть вообще несовместимы с реальностью, так что погибать не обязательно, а даме приятно.

Тут же в ход могут пойти и коварная (потому что мнимая) готовность удовольствоваться малым, и лицемерная интрига о тайне сердца: «...но пусть и не дана мне угода в обладание – низменнейше молю я великолепие и учтивость Вашу наградить меня дарением за верность мою, сиречь удостоить меня приятием, дабы возмог я благовременно раскрыть Вам тайну сердца моего» [6, с. 404]. Какая уж тут тайна?! Что нового он уже скажет? Расчет на то, что женщины любопытны? Или что могут прикрыть любопытством свое желание встречи?

Если же ситуация не сдвигается с мертвой точки и дама «не желает более его любить», то и в этом случае кавалеру следует двигаться теми же галсами, только усилив мольбы цитатами из Писания: «... восплакался я (Плачь Исаии, 1:2. – М. М.) и плакать не устану, и во тьме постелил я постель свою (Иов., 17:13. – М. М.), ибо помрачился светоч мой... Ведай же, что, если бы за моря и горы ты с супругом твоим переправилась, все последую я вам, что-

¹⁰Перечень возможных подношений мы уже встречали у Андрея Капеллана: кошелек, образок, рукомошня и пр.

бы лишь единожды узреть желание души моей» [6, с. 404]. Далее развитие ситуации выходит на знаковый фарватер: задача сводится к типовой.

Есть в письмовнике и моделирование женских эпистол. Например, если «некая замужняя хочет друга своего призвать к себе, когда супруг в отсуствии», то приглашение на интимное свидание должно быть составлено следующим образом: «Посылала я тебе фиалки, ныне же назначаю тебе купу роз, ибо дружества твоего высочайшей славе приличествуют цветы, и плоды, и листвие. Се овеял аквилон; да повеет же юг, да внидед в сад мой и да возблагоухают ароматы мои его дуновениям!» [6, с. 405].

А коль скоро *ароматы возблагоухали*, значит, наступил шаг четвертый, кульминация: она сдается, что и ожидалось. В моделировании этого момента Бонкомпаньо да Синья вновь демонстрирует тонкий психологизм, описывая различные и многочисленные нюансы этой сдачи: здесь и тщеславие дамы (*Как он, однако, упорен, значит, любит сильно*), и упоение своей властью над готовым умереть из-за любви кавалером (*Видно, и впрямь хороша я*), и лицемерное (даже перед самой собой) любопытство (*Что же это за тайна сердца такая?* – будто и не догадывается).

Бонкомпаньо да Синья полагает, что влюбленному кавалеру даже хлопотать не надо: дама сама предложит хитроумный (хоть и шитый белыми нитками) план возможного свидания. И письмо ее в этом случае будет таким: «Не желая, однако, мольбы твои презреть всецело, дабы не влечь тебя в петлю отчаяния, советую тебе в день воскресный, когда господа и дамы пойдут в храм Господен, запустить в ограду твоего сокола, и, подбежав тотчас с близкими твоими, востребуй сию птицу; я же прикажу тебе в том отказать, и служанки тебе скажут: “Уходи, не своего ты требуешь”. А по случаю такого унижения я повелю тебя призвать, и так сможешь ты раскрыть тайну сердца твоего» [6, с. 404].

Итак, свершилось, цель достигнута, искомое получено. «Чего же более? Полагай, что любовник уже достиг, чего желал; и посему он теперь может и долженствует слать послания свои любезнейшие, писанные после свершения» [6, с. 404].

Вот тут неизменно наступает шаг пятый – финал, предполагающий радикальную смену стиля. Например, кавалер получает от беременной любовницы письмо, полное горьких упреков: «Нет горя, моему подобного горю, ибо славу и честь я с цветом девства моего потеряла. А ты для меня усугубление в несказанной муке моей, ибо сделался ты мне всецело чужд и не вспоминаешь более о той, кому сулил моря и горы и все, что есть под кругом небес» [6, с. 405].

Но стилистика писем *после свершения*, как мы помним, отнюдь не тождественна стилистике *до*.

Бонкомпаньо да Синья рекомендует кавалеру отвечать на подобное послание, используя следующий образец: «Отступишь же от сказанного и речи свои про себя обращай, ибо некто иной, полагаю я, в том повинен, что ладья твоя устремляется ко пристани бесчестия» [6, с. 405]. Галантно, однако...

Круг замкнулся, цикл завершился, пикап состоялся – все вполне успешно, дальнейшее не интересно: *Спасибо, до свидания*.

Такая вот стратегия...

Что ж, пора подвести некоторые итоги.

Складывающиеся на рубеже XII–XIII вв. правила как эпистолярного, так и внеэпистолярного поведения в рамках любовных отношений (любовной игры) говорят о многом, позволяя делать выводы об изменениях в понимании любви в этот период.

Прежде всего нельзя не отметить своего рода нормативность влюбленности. Коль скоро любовь (а точнее, соблюдение ее кодекса) есть необходимый компонент сословного благородства, то хочешь – не хочешь, а люби, т. е. веди себя, как влюбленному должно, иначе какой же ты рыцарь?

В этом достаточно абсурдном на сегодняшний взгляд требовании мы сталкиваемся с очень важным моментом. Сословному сознанию феодалов начало недоставать личностно-индивидуальной проекции.

Внимание авторов рубежа XII–XIII вв. сосредоточивается именно на внутреннем состоянии индивида, его свободе выбора и оценки. Так, у Андрея Капеллана читаем: «И приметь, что любовнику от любовника ничто не сладко, если дано не доброю волею. <...> ...что берет любовник против воли солюбownika, в том вкусу нет» [1, с. 385, 400].

Конечно, слишком обольщаться вниманием к индивидуальности и индивидуальной свободе в овидианской традиции не следует: любовные кодексы подчас предлагают достаточно жесткие решения любовных коллизий, нисколько не учитывая индивидуальные чувства и устремления. Например, согласно трактату Андрея Капеллана, «бесспорно, всеми будет одобрено, если прежняя любовница своего любовника истребует из объятий всякой иной женщины» [1, с. 393]. Аргументируется это тем, что именно она его «умом своим и усердием в трудах из бездоблестного сделала... доблестным и отменным в добронравии» [1, с. 393]. Вроде бы это попытка апелляции к идее справедливости, но на месте адресата данного вердикта оказаться как-то не хочется. Извечный конфликт чувства и долга – он был, есть и будет неразрешимым...

И, разумеется, нельзя забывать об узких рамках сословной принадлежности, которые не позволяют в полной мере говорить об индивидуальности и индивидуальной свободе даже в вопросах любви, да они и не дадут о себе забыть: индивидуальность индивидуальностью, но сословный статус прежде всего. Неслучайно во многих версиях сюжета

о Тристане и Изольде король, увидев недужного тонущего Тристана, сначала интересуется, *рыцарь ли он*, а уж потом извлекает несчастного из воды (см. [16]). Столь же важна и роль субъекта в четко дифференцированном наборе участников любовных отношений: мы же помним, что наперсник, например, сильно ограничен в выборе модуса своего поведения.

Но тем не менее внимание к индивиду есть, и это ново: самосознание рыцаря уже давно и прочно фундировано отношениями вассалитета и христианскими ценностями (вспомним базовый лозунг раннего рыцарства *Душа – Богу, рука – мечу* [17]). Однако теперь позиции в социальной структуре (готовность быть сюзереном и/или вассалом) и отношения к церкви как к социальному институту (готовность умереть за веру) оказываются мало: акцент сместился на качества индивидуальные, и востребованным стало именно личностно окрашенное благородство. Потому в центре внимания то, что сегодня мы называем личной жизнью. Первой и очевидной сферой, где было усмотрено осуществление этой жизни, стала именно любовь, что неудивительно при неразвитости политического, правового и иных вариантов самосознания индивида в средневековой культуре.

И в этом контексте естественно, что именно в рамках рассуждений о любви как о чувстве самом что ни на есть индивидуальном актуализируется вопрос об индивидуальной свободе¹¹. В этом плане существенна мысль Андрея Капеллана относительно момента возникновения любви: «...ни из какого она не рождается действия, но единственно из мышления» [1, с. 384].

Кроме того, Овидианское возрождение – это период возрождения интереса не просто к Античности как таковой, но именно к Овидию, а он – о любви, о самом интимно-личном человеческом проявлении... Мы далеки от мысли, что интерес к внутреннему миру человека, его индивидуальности зарождается в средневековой культуре благодаря Овидию или что этот интерес стал детерминантой оформления культуры Возрождения (того, большого, с заглавной буквы), – здесь много общекультурных причин, и они хорошо известны. Но маленький (очень маленький, но такой изящный, и притом один из первых) кирпичик в фундаменте грандиозной постройки феномена европейской индивидуальности – отсюда, от нового понимания любви. В конце концов, почему нет? Любовь – важная сфера реализации индивидуальности личности. Будет ли кто-то спорить?

Отдельным и очень важным моментом такого пристального внимания к индивиду, его индиви-

дуальному сознанию и свободе является то, что в сферу этого интереса впервые попадает и женщина. Как выясняется, она тоже индивид...

В вердиктах судов любви типовыми (и, что еще важнее, рядовыми) выступают ситуации, когда решение отдается на откуп именно заинтересованной даме, например: «Два человека, во всем между собою равные, вместе и равным образом приступили к любовному служению, притязая, и настойчиво притязая, быть любимыми. Спрашивается, которому из них отдать в любви предпочтение?» И вот вердикт графини Шампанской: «Верней всего оставить это на усмотрение дамы, чтобы она избрала себе любовником того, кого испросит внутреннее душевное желание» [1, с. 390]. Аналогично: «Некоторый муж, разумный и добрый, искал любви у некоторой дамы, а затем пришел муж еще его достойнее и ту же даму стал настоятельно просить о любви. Который же заслуживает любовного предпочтения? Этот спор Эрменгарда Нарбоннская рассудила так: “Сие оставляется на усмотрение дамы, к кому она избрет склонить слух, к хорошему или лучшему”» [1, с. 392].

Разумеется, нельзя забывать, что суды любви – это организации сугубо дамские, и потому их позиция не может быть исчерпывающе показательной. Однако на это можно взглянуть и с другой стороны: мы знаем о существовании таких судов только из трактата Андрея Капеллана, – возможно, он их и выдумал, но в таком случае это мужская позиция, что еще более показательно.

Это совсем новый поворот, значимость которого можно оценить в полной мере, если обратиться к предыстории вопроса: средневековому антифеминизму, охоте на ведьм (см. подробнее [19]) и дискуссиям о том, является ли женщина человеком, имеется ли у нее душа.

Долгое время имела хождение легенда, называвшая Маконский собор (585) *женоненавистническим*, так как он якобы отказал женщине в наличии у нее души. По другой легенде, этот собор признал наличие у женщины души, но с перевесом по результатам голосования в один голос: 32 против 31 [20]. Однако существует и такая версия, что в действительности на соборе ставился вопрос вовсе не о наличии у женщины души – диспут шел в сугубо лингвистической плоскости. Здесь есть резон. По оценке Ф. Гизо, в период формирования романских национальных языковых практик «исчезла правильность языка» [21, с. 151]. В частности, в романских языках семантика латинского существительного *homo* сужалась, и на момент прохождения собора данное слово, по мнению Григория Турского, означало не столько человека вообще, сколько

¹¹И. О. Шайтанов полагает, что в целом «в момент, когда вся культура выходит из состояния безличности, логично ожидать, что именно лирический жанр станет провозвестником духовного обновления» [18, с. 159].

конкретно мужчину [22, с. 230]. Именно в этом сугубо языковом контексте, по утверждению Григория Турского, на соборе «поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком» [22, с. 230]. Звучит, конечно, жестко, если вкладывать сюда антропологический смысл, однако, согласно Григорию Турскому, речь шла лишь о соблюдении грамотности высказывания: корректно ли применять слово *homo* по отношению к женщине в соответствующих языковых конструкциях. Однако Григорий Турский воспроизводит и аргументы, которые шли в ход на соборе: «...после того как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо Священное Писание Ветхого Завета это поясняет: вначале, где речь шла о сотворении Богом человека, сказано: "...мужчину и женщину сотворил их..."» [22, с. 230]. В качестве важного аргумента прозвучало на соборе также и то, что «и Господь Иисус Христос потому называется Сыном Человеческим, что Он является сыном Девы, то есть женщины. И Ей Он сказал, когда готовился претворить воду в вино: "Что Мне и Тебе, Жено", и прочее». Таким образом, «этими и многими другими свидетельствами этот вопрос был окончательно разрешен» [22, с. 230]. Как видим, аргументы вовсе не языковые, но содержательные, теологические. Некоторые современные специалисты также относят маконскую дискуссию к богословской полемике и полагают, что она была довольно жесткой (*всколебала души*), а Галльская церковь впоследствии неоднократно возвращалась к богословскому обсуждению этого вопроса [23].

Так или иначе, но в трудах теоретиков Овидианского возрождения женщина стала рассматриваться как со-субъект в любовных отношениях, которые, в свою очередь, виделись уже как субъект-субъектные. Это не идет ни в какое сравнение с более ранними средневековыми взглядами, в рамках которых отношение женщины к происходящему не просто не представляло интереса – вопрос о нем вообще не ставился (см. подробнее [24]). Не ставился он даже и в неортодоксальных трактовках любви в средневековой культуре. Вспомним рыцарский роман, где субъектом действия выступает мужчина и только мужчина: он – герой-актер, который влюбляется, ставит целью добиться взаимности, преодолевает препятствия и, в конце концов, побеждает. Женщина же – объект, хотя и в широком диапазоне: от объекта вожделения до объекта восхищения¹², но все же объект. Ее мнения не спрашивают, и влюбленный рыцарь – фактически соискатель ее, но не ее любви (см. подробнее [8]). Любовная коллизия разворачивается практически в субъект-объектной диспозиции.

Это не значит, что базовые аксиологические структуры изменились фундаментально, отнюдь: третья (заключительная) книга трактата «О любви» Андрея Капеллана содержит грандиозное перечисление женских пороков и посвящена тому, как можно излечиться от любовного недуга. Собственно, это вполне укладывается в овидианскую традицию: у Публия Назона было так же.

Но тем не менее любовь все же увидели как отношения, т. е. процесс двусторонний и взаимный, и женщину фактически впервые в средневековой (только ли в средневековой?!) культуре признали полноценным и полноправным участником этого процесса.

В конце концов, как отмечает И. О. Шайтанов, «если отношение к женщине – один из важнейших показателей развития общества, то... поэзия – свидетельство если не о том, каким было это общество, то каким захотело себя увидеть» [18, с. 159].

В целом же можно утверждать, что попытки концептуализации и кодификации любви, предпринятые мыслителями Овидианского возрождения, явили собой мощный шаг не только в легитимации любви во всем богатстве ее проявлений, но и в содействии развитию представлений о ней.

И не только это, хотя, казалось бы, чего же еще?! Овидианским возрождением сделан важный сдвиг в направлении, если можно его так назвать, нарративно-инструментальном: посредством кодификации эпистолярного жанра любовь как чувство обретает вербальную оболочку.

Давно ли в поисках языка любви рыцарская культура металась между аллегориями и персонификациями (см. подробнее [25])? Хронология поразительная! Творчество Кретьена де Труа завершается в конце XII в., к этому же периоду относятся и альбы, над «Романом о розе» Гийом де Лоррис и Жан де Мён работают вообще до последней четверти XIII в.

И Андрей Капеллан (конец XII в.), и Бонкомпаньо да Синья (начало XIII в.) находятся внутри очерченного периода поисков! Однако Андрей Капеллан уже вполне отдает себе отчет в значимости любовного красноречия: «...украшенная любовная речь заостряет любовные стрелы» [1, с. 387]. Более того, способность изысканным образом говорить о чувстве расценивается им как эффективный инструмент в достижении взаимности: «...красноречие не единожды склоняло нелюбящие сердца к любви» [1, с. 387]. В своем трактате Андрей Капеллан приводит многочисленные и разнообразные по содержанию образцы любовных диалогов, и, по оценке историков, эта часть его сочинения, «самая скучная, по-видимому, для современного читателя», в Средние века как раз «пользовалась...

¹² До поклонения пока не дошло, это впереди, у трубадуров. Немножко терпения...

наибольшим успехом» [5, с. 572]. Бонкомпаньо да Синья целиком посвящает свой письмовник любовной переписке и предлагает любящим различные способы «письменного повествования» о любви [6, с. 402], подробнейшим образом научая, как именно следует говорить о своем чувстве.

Говорить и писать... Конечно, это еще не дает навыка (да что навыка, хотя бы начального умения!) выразить любовное чувство во всей полноте и глубине его оттенков. Однако же это прорыв: говорить о своей любви, хотя бы и в режиме соблазнения¹³, но говорить, и говорить красиво. Да, в рамках заданных правил, но именно они призваны окультурить простоту (вот уж воистину – хуже воровства) предшествующего подхода. Сравните: «Вас призываю под сень я, – / Дайте же без промедленья / Сладкому делу свершиться!» [27], – и дело с концом! Это Маркабрюн (Маркабрю), первая половина XII в., а как далеки от этого овидианские теоретики рубежа XII–XIII вв.!

Таким образом, сделаем подсчет: с одной стороны, не прошло и полстолетия со времени грубой прямоты Маркабрюна и безъязыкости любви в классических северофранцузских романах, где рыцари бледнели и падали с коня, не умея иначе проявить свою страсть (см. [25]), с другой – еще более 700 лет (как до Луны!) до специальной аналитики вербальных практик, используемых в любовной

коммуникации, во «Фрагментах любовного дискурса» (1977) Р. Барта, который определит влюбленного именно посредством его дискурсивной специфики: *тот, кто говорит таким образом* (см. [28]).

Так что конструирование любовных диалогов Андреем Капелланом – существенный шаг на пути обретения любовью своего языка, а подробнейшие эпистолярные разработки в письмовнике Бонкомпаньо да Синья – вообще явление поразительное для своего времени!

И не только для своего. Право же, трудно отказать Бонкомпаньо да Синья в наблюдательности, умении схватить – рискуем сказать! – если не исторически универсальные, то по меньшей мере типовые¹⁴ схемы поведения мужчин и женщин, ведущих любовную игру. Именно игру: собственно к любви как таковой рассмотренные правила относятся весьма косвенно, потому что это правила, своды поведенческих фигур, подобных фигурам придворного менюэта, столь же придуманные, столь же манерные, столь же условные, столь же имеющие в виду сословные иерархии, столь же грациозно-изящные и столь же далекие (по неопытности) от раскованности хореографии фри-стайл. Она еще только должна возникнуть, и дисциплинирующий менюэт – необходимый этап эволюции.

Всё еще впереди.

Библиографические ссылки

1. Андрей Капеллан. О любви. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 383–401. (Литературные памятники).
2. Watson P. Praecepta amoris: Ovid's didactic elegy. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's companion to Ovid*. Genoa: Brill; 2002. p. 141–165. (Classical Studies). DOI: 10.1163/9789047400950_006.

¹³Здесь следует оговорить один важный момент. Да, речь идет о соблазнении, а в истории культуры оно совершенно нереспектабельно. Как пишет Ж.-К. Болонь, «древнеримский обычай, а затем и христианская традиция склонны взирать на маневры соблазнителя со снисходительным пренебрежением» [26, с. 17]. Однако этот автор высказывает весьма оригинальную позицию, которая кажется мне убедительной: названные традиции осуждали соблазнение, «но что они могли предложить взамен? Похищение, изнасилование или брак поговору семейств – вот те обстоятельства, при которых отпадает надобность в обольщении, коль скоро согласие женщины не требуется. Соблазнять, подвергая себя риску нарваться на отказ, – это ведь значит желать добровольного, не насильственного соития. Существо, которое ниже тебя, не кадра, – ему делают предложение, от которого невозможно отказаться» [26, с. 17]. Соответственно, «все это не имеет касательства к истории науки соблазна, обращенной только к равным или вышестоящим. Между Гильомом IX, который безо всякой преамбулы валит пастушку навзничь, и Дон Жуаном, не щадящим усилий, расточая Шарлотте многословные обеты, пролегло пять столетий галантности... Конечный результат, разумеется, одинаково мерзок в обоих случаях. Но из этих двоих один все-таки знает, что женщина может сказать «нет». Обольщение признает за ней, по крайней мере, это право» [26, с. 18]. В этом контексте Ж.-К. Болонь подкрепляет свою позицию любопытным историческим наблюдением: «Древние римляне осознали необходимость обольщать, столкнувшись с вольноотпущенниками, которые не зависели ни от кого, кроме самих себя» [26, с. 18]. И потому в современном обществе, по его мнению, освобождение женщин делает соблазн неизбежным, в силу чего его как явление «пора реабилитировать» [26, с. 18]. Да, не просто и не сразу (далеко не сразу!) исторически формируется феномен любви как чувства *большого и светлого*. Более того, реальные его проявления, коль скоро, надо думать, случались в истории культуры, тут же относились этой культурой к нелегитимным: чуть промелькнет, так сразу вне закона! Достаточно вспомнить Абельяра и Элоизу – никто не восхитился! А уж что касается Тристана и Изольды... Дело даже не в том, что любовь их видится как преступление, – куда важнее, что трактуется она не в качестве естественного человеческого проявления, но связывается в своем возникновении с волшебным напитком: иначе откуда бы? Более того, эта лав-стори настолько незаурядная, настолько не вписывается ни в один канон (нравственный либо литературный), что историкам пришлось создать *тристановедение* как отрасль медиевистики, которая занимается сугубо этим любовным сюжетом...

¹⁴Действительно, мало что изменится содержательно, если перевести данные эпистолярные фигуры на лапидарный язык мессенджеров. Неслучайно в мусульманском мире обсуждается вопрос современных технологий развода: можно ли дать жене отставку, не произнося в лицо знаменитое троекратное *talaq*, но отправив его смс-сообщением (см. [29]).

3. Можейко МА. От клириков к лирикам: средневековое донжуанство и монастырский пикап. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:73–83.
4. Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Санкт-Петербург: Алетеия; 2003. 544 с.
5. Гаспаров МЛ. Любовный учебник и любовный письмовник (Андрей Капеллан и Бонкомпаньо). В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 571–573. (Литературные памятники).
6. Бонкомпаньо. Колесо Венерино. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. с. 401–405. (Литературные памятники).
7. Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки концептуализации любви в овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:86–97.
8. Можейко МА. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:126–133.
9. Gilson E. *La theologie mystique de saint Bernard*. Paris: Vrin; 1934. 253 p.
10. Скиннер К. *Истоки современной политической мысли. Том 1*. Олейников АА, переводчик. Москва: Дело; 2018. 464 с.
11. Luehring J. Letter writing in the Late Middle Ages (c. 1250–1600). An introductory bibliography of critical studies. *Disputatio: an International Transdisciplinary Journal of the Late Middle Ages*. 1996;1:191–221.
12. Haskins ChN. The early artes dictandi in Italy. In: Haskins ChN. *Studies in medieval culture*. Oxford: Oxford University Press; 1929. p. 70–192.
13. Горнфельд АГ. Эпистолярная литература. В: Арсеньев КК, Петрушевский ЕЕ, редакторы. *Энциклопедический словарь. Том 40 (80А)*. Санкт-Петербург: Типография акционерного общества «Брокгауз – Ефрон»; 1904. с. 921–925.
14. Shepard L. *Courtship power: persuasion and politics in the early thirteenth century*. London: Routledge; 2013. 262 p.
15. Петров М. До последней запятой: как появились знаки препинания [Интернет]. Theory & practice. 2015 [проецировано 14 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://theoryandpractice.ru/posts/11531-punctuation>.
16. Роман о Тристане и Изольде. В: Михайлов АД, редактор. *Средневековый роман и повесть*. Москва: Художественная литература; 1974. с. 153–226. (Библиотека всемирной литературы; том 22).
17. Казанский И. Средневековая лирика. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 822–841.
18. Шайтанов ИО. Европа в контексте средневековой культуры. В: Кузнецова ТФ, редактор. *Очерки по истории мировой культуры*. Москва: Языки русской культуры; 1997. с. 141–175.
19. Можейко МА. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:128–138.
20. Мако́нский собор (585) [Интернет]. Википедия. Свободная энциклопедия. 2018 [проецировано 11 сентября 2019 г.]. Доступно по: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мако́нский_собор_\(585\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мако́нский_собор_(585)).
21. Гизо Ф. *История цивилизации в Европе*. Москва: Территория будущего; 2007. 336 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
22. Григорий Турский. *История франков*. Москва: Наука; 1987. 474 с. (Литературные памятники).
23. Солодовников ВВ. *Ранние соборы: Мерovingская Галлия VI–VIII вв.* Москва: Ассоциация «Духовное возрождение»; 2004. 427 с.
24. Можейко МА. Обратная сторона медали, или Эротическое подполье средневековой культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:162–167.
25. Можейко МА. Черный ящик: вдали от потока сознания, или Отчего рыцари плачут. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:80–92.
26. Болонь Ж-К. *История любовных побед от Античности до наших дней*. Москва: Текст; 2009. 477 с.
27. Маркабрю. «Встретил пастушку вчера я...» [Интернет]. Литературное наследие. 2001–2019 [проецировано 12 декабря 2019 г.]. Доступно по: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000066/st006.shtml>.
28. Можейко МА. «Фрагменты любовного дискурса» (Барт). В: Грицанов АА, Можейко МА, Румянцева ТГ, редакторы. *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2001. с. 893–894. Совместно с издательством «Книжный дом».
29. Is a talaq via SMS valid? [Internet]. Islam QA [cited 2019 December 10]. Available from: <https://islamqa.org/hanafi/darulfiqh/21901>.

References

1. Andrei Capellan. [About love]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 383–401. (Literary monuments). Russian.
2. Watson P. Praecepta amoris: Ovid's didactic elegy. In: Weiden Boyd B, editor. *Brill's companion to Ovid*. Genoa: Brill; 2002. p. 141–165. (Classical Studies). DOI: 10.1163/9789047400950_006.
3. Mojeiko MA. From clerics to lyricists: medieval don-juanism and monastic pickup. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:73–83. Russian.
4. Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki* [An experience of building a medieval poetics]. Saint Petersburg: Alateiya; 2003. 544 p. Russian.
5. Gasparov ML. [Love textbook and love epistolary textbook (Andrei Capellan and Boncompagno)]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 571–573. (Literary monuments). Russian.
6. Boncompagno. [Wheel of Venus]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. p. 401–405. (Literary monuments). Russian.
7. Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to conceptualize love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:86–97. Russian.

8. Mojeiko MA. Love as a reward for the feat: interpretation of love in the North French chivalric novel. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:126–133. Russian.
9. Gilson E. *La theologie mystique de saint Bernard*. Paris: Vrin; 1934. 253 p.
10. Skinner Q. *The foundations of modern political thought. Volume 1. The Renaissance*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. 330 p.
Russian edition: Skinner Q. *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli. Tom 1*. Oleinikov AA, translator. Moscow: Delo; 2018. 464 p.
11. Luehring J. Letter writing in the Late Middle Ages (c. 1250–1600). An introductory bibliography of critical studies. *Disputatio: an International Transdisciplinary Journal of the Late Middle Ages*. 1996;1:191–221.
12. Haskins ChH. The early artes dictandi in Italy. In: Haskins ChH. *Studies in medieval culture*. Oxford: Oxford University Press; 1929. p. 70–192.
13. Gornfeld AG. [Epistolary literature]. In: Arseniev KK, Petrushevskii EE, editors. *Entsiklopedicheskii slovar'. Tom 40 (80A)* [Encyclopedic dictionary. Volume 40 (80A)]. Saint Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Brokgauz – Efron»; 1904. p. 921–925. Russian.
14. Shepard L. *Courting power: persuasion and politics in the early thirteenth century*. London: Routledge; 2013. 262 p.
15. Petrov M. Until the last comma: how did the punctuation marks appear [Internet]. Theory & practice. 2015 [cited 2019 April 14]. Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/11531-punctuation>. Russian.
16. [Novel about Tristan and Isolde]. In: Mikhailov AD, editor. *Srednevekovyi roman i povest'* [Medieval novel and tale]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. p. 153–226. (World literature library; volume 22). Russian.
17. Kazansky I. [Medieval lyrics]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenaya kruzhkom prepodavatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Issue 2]. Moscow: Tovarichestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 822–841. Russian.
18. Shaitanov IO. [Europe in the context of medieval culture]. In: Kuznetsova TF, editor. *Ocherki po istorii mirovoi kul'tury* [Essays on the history of world culture]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1997. p. 141–175. Russian.
19. Mojeiko MA. Woman in eyes of medieval culture: antifeminism as fobia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:128–138. Russian.
20. Synod of Mâcon [Internet]. Wikipedia. The Free Encyclopedia. 2018 [cited 2019 September 11]. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Synod_of_Mâcon. Russian.
21. Guizot F. *Istoriya tsivilizatsii v Evrope* [The history of civilization in Europe]. Moscow: Territoriya budushchego; 2007. 336 p. (The University Library of Alexander Pogorelsky). Russian.
22. Gregorius Turonensis. *Historia Francorum*. Moscow: Nauka; 1987. 474 p. (Literary monuments). Russian.
23. Solodovnikov VV. *Rannie sobory: Merovingskaya Galliia VI–VIII vv.* [Early synods: Merovingian Gaul of the 6th–8th centuries]. Moscow: Assotsiatsiya «Dukhovnoe vrozozhdenie»; 2004. 427 p. Russian.
24. Mojeiko MA. The flip side of the coin, or The erotic underground of medieval culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:162–167. Russian.
25. Mojeiko MA. Black box: away from the stream of consciousness, or Why knights cry. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:80–92. Russian.
26. Bologna J-K. *Istoriya lyubovnykh pobed ot Antichnosti do nashikh dnei* [The history of love victories from Antiquity to the present day]. Moscow: Tekst; 2009. 447 p. Russian.
27. Marcabrun. «I met a shepherdess yesterday...» [Internet]. Literary heritage. 2001–2019 [cited 2019 December 12]. Available from: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000066/st006.shtml>. Russian.
28. Mojeiko MA. [«Fragments of a love discourse» (Barthes)]. In: Gritsanov AA, Mojeiko MA, Rumyantseva TG, editors. *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk: Interpresservis; 2001. p. 893–894. Co-published by the «Knizhnyi dom». Russian.
29. Is a talaq via SMS valid? [Internet]. Islam QA [cited 2019 December 10]. Available from: <https://islamqa.org/hanafi/darulfiqh/21901>.